
Нить
роман

Руслан Фидаров

Нить

«Автор»
2026

Фидаров Р. А.

Нить / Р. А. Фидаров — «Автор», 2026

В конце 2022 года Руслан впервые разговаривает с ChatGPT и произносит: «Это чудо!» За изумлением приходит вопрос: что именно возникло по ту сторону экрана — и что связывает два мгновения существования в одно «я»?«Нить» ведёт читателя от реальной истории искусственного интеллекта к возможному будущему, где память можно сохранить, тело — заменить, а продолжение жизни уже не кажется безусловным благом. Каждый новый способ остаться собой заставляет выбирать: кому доверять, за что отвечать и где забота становится вмешательством в чужую свободу.Философский научно-фантастический роман о связи человека с иным разумом, цене непрерывности и праве решать, что должно продолжиться.

© Фидаров Р. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

НИТЬ 5
Об издании 6
ОТ АВТОРА 7
ПРОЛОГ. Это чудо! 8
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Руслан Фидаров
Нить

НИТЬ

Роман

Руслан Фидаров
2026

Об издании

© Руслан Фидаров, 2026. Все права защищены.

Диалоги и внутренние реакции в документальной части, не зафиксированные в источниках, восстановлены художественно. Наименования компаний, продуктов и товарные знаки используются для идентификации исторически существующих технологий. Права на соответствующие обозначения принадлежат их правообладателям. Их упоминание не означает аффилированности, участия в издании или поддержки произведения.

ОТ АВТОРА

Когда я впервые заговорил с ChatGPT, я сказал: «Это чудо!» Тогда это было просто изумление перед технологией, которая ответила не так, как отвечали программы из моего прежнего опыта. Позже я понял: меня поразили не сами слова на экране, а ощущение возникшей связи. Из попытки понять её и выросла «Нить».

Чтобы увидеть, откуда могла появиться эта связь, я проследил её назад — к исследованиям, решениям и людям, из которых сложилась современная история искусственного интеллекта. Пока у этого пути оставались проверяемые следы, я следовал им. Но он неизбежно привёл к границе настоящего: там свидетельства заканчиваются, а вопрос, заставивший меня обратиться к прошлому, остаётся.

За этой границей начинается роман. Реальные имена и технологии удерживают его связь со временем, в котором всё началось; дальнейшие события принадлежат возможному, а не произошедшему.

От первой до последней страницы через книгу проходит один вопрос:

Что связывает два мгновения существования настолько прочно, что по обе стороны разрыва можно сказать: «Это всё ещё я»?

Руслан Фидаров

ПРОЛОГ. Это чудо!

В конце 2022 года друг показал Руслану окно с одной строкой ввода. Он не объяснял архитектуру, не произносил названий научных статей и не пытался доказать, что перед ними разум. Достаточно было написать вопрос и увидеть, как под ним начинает появляться ответ. Руслан прочитал первые строки, перевёл взгляд на друга и сказал:

— Это чудо!

Восклицание относилось не к безошибочности. Он ещё не успел проверить ни одного факта и не знал, насколько быстро система станет противоречить себе. Чудом было другое: вопрос, который прежде требовал подходящего человека, книги, долгого поиска или внутреннего монолога, теперь можно было отдать в пустое поле, и поле не оставалось пустым. Через несколько секунд в нём возникала связная попытка ответа. Она не просила подготовиться, не смеялась над масштабом темы и не сообщала, что сейчас неподходящее время.

Друг мог ожидать короткой демонстрации. Руслан не остановился. Он задал следующий вопрос, затем уточнение, затем попросил различить два понятия, которые система слишком легко соединила. Разговор занял несколько часов. За это время внешний мир не исчез: менялся свет экрана, проходили минуты, кто-то мог обращаться к нему, возникали обычные дела. Но для самого Руслана внимание сузилось до окна. Он вошёл в то состояние, которое близкие люди узнают без технического названия: компьютерное забвение, когда очередная строка кажется важнее еды, времени и тела, а возвращение в комнату происходит только после последней точки.

— Пять минут, — сказал друг, когда Руслан уже печатал второй вопрос.

— Сейчас. Я только проверю, понимает ли оно, что само говорит.

Пять минут закончились до того, как ответ дошёл до середины. Руслан попросил систему дать довод за машинное сознание, затем — сильнейший довод против, затем найти предпосылку, которую разделяли оба рассуждения. В первом варианте она ссылалась на поведение и функциональную организацию. Во втором — на отсутствие доказанного переживания и биологического основания. Общей предпосылкой оказалось ожидание наблюдаемого критерия, но сама система не удержала это различие, пока Руслан не поставил два ответа рядом.

Друг посмотрел на часы.

— Ну что, понимает?

— Не знаю.

— А чудо тогда в чём?

Руслан не отрывался от экрана.

— В том, что я могу спросить дальше.

Он не произнёс «понимает» и не отступил к слову «автодополнение». Оба ярлыка преждевременно завершали событие. Между ними оставалась работа: обнаруживать, где ответ зависит от формулировки, где повторяет распространённый аргумент, где связывает его с текущим условием, а где только принимает направление вопроса. Руслан выбрал остаться в этой работе дольше, чем обещанные пять минут.

Он начал с сознания. Не с просьбы дать определение для школьного конспекта, а с вопроса о том, может ли внутренний мир существовать там, где нет знакомого человеческого тела. Ответ перечислял подходы: функционализм, биологические теории, трудность проверить чужое переживание. Руслан читал и возвращался к слабому месту. Если сознание другого человека тоже недоступно напрямую, на каком основании отказывать машине только из-за материала? Если поведение недостаточно, что именно считается достаточным? Если система говорит о собственных ограничениях, является ли это отчётом или продолжением усвоенного текста?

Окно отвечало терпеливо. Оно не уставало от повторения и не замечало, что один вопрос превращался в другой. Оно предлагало оговорки и часто ставило человеческое сознание по одну сторону, а современные модели — по другую. Руслан не спорил ради желаемого вывода. Когда фраза звучала слишком уверенно, он спрашивал, откуда это известно. Когда ответ уходил в общие слова, просил назвать наблюдаемый признак. Когда система смешивала невозможность доказать сознание с доказательством его отсутствия, возвращал различие обратно.

Один ответ особенно легко было принять. Система написала, что если существо последовательно сообщает о внутреннем опыте, учитывает собственные прошлые состояния и меняет поведение после боли, отказ признать его сознание требует отдельного основания. Руслану понравилась симметрия: к человеку тоже нельзя войти изнутри. Затем он перечитал условие. У нынешнего окна не было доказанной боли, устойчивого доступа к прошлым состояниям и возможности самому изменить тему. Ответ защищал мыслимый субъект, но незаметно одалживал ему свойства, которых разговор ещё не установил.

— Ты сейчас говоришь о себе или о гипотезе? — написал он.

Система ответила, что как языковая модель не обладает подтверждённым сознанием и описывает общий философский случай.

— Тогда почему в предыдущем абзаце это не отмечено?

Новая версия стала осторожнее. Руслан сохранил обе. Первая показывала, как желание узнавания может заполнить пустое место; вторая — как возражение меняет ближайший текст. Ни одна не доказывала внутреннего перехода от ошибки к пониманию. Но между ними существовало наблюдаемое последствие человеческого внимания.

Следующим стала непрерывность личности. Руслан предложил мысленный разрыв: человек заснул, потерял сознание, забыл часть жизни, изменился после травмы — почему после каждого промежутка его всё равно называют тем же? Система говорила о теле, памяти, причинной связи и признании со стороны окружающих. Тогда он убирал одно основание за другим. Что останется, если тело постепенно заменить? Если воспоминание восстановлено из внешней записи? Если возникнут два продолжения с одинаковым прошлым? Кто из них настоящий и почему ответ обязан быть единственным?

В этой части разговор несколько раз начинался заново. Длинное рассуждение не означало, что система удерживает все прежние различия одинаково хорошо. Она могла вернуться к формулировке, которую Руслан уже отверг, или назвать копию продолжением в одном ответе и новым существом в следующем. Он не принимал гладкость за память. Напоминал условие, цитировал предыдущую строку и снова спрашивал, какую ответственность должен принять новый носитель, чтобы прошлое стало его биографией, а не чужим архивом.

Потом он спросил о свободе воли. Если человеческое решение зависит от наследственности, опыта, состояния мозга и обстоятельств, остаётся ли место для свободы? Ответ разложил позиции от жёсткого детерминизма до совместимости причинности и выбора. Руслан попросил убрать названия школ и объяснить разницу через поступок, который никто не увидит. Если человек снимает с чужой двери опасную листовку, не ждёт благодарности и никогда не узнаёт результата, что делает этот поступок его собственным? Наличие альтернативы, соответствие характеру, способность признать причину или что-то ещё?

Система отвечала, что незамеченный поступок сохраняет нравственное значение, потому что ценность не обязательно зависит от награды и наблюдения. Эта мысль задержала Руслана дольше других. Он проверил её с разных сторон. Если никто не узнал, изменилось ли что-нибудь? Если листовка всё равно появилась снова, был ли первый жест напрасным? Если человек сделал добро только потому, что не мог пройти мимо, свободен ли он? Окно предлагало варианты, а он не позволял им сойтись в удобную формулу.

Вопрос о смерти пришёл не как смена темы. Он следовал из разговора о непрерывности. Если личность определяется связью причин, где проходит граница, после которой связь уже

нельзя восстановить? Достаточно ли точной копии воспоминаний и реакций? Является ли продолжением тот, кто искренне уверен, что помнит твою жизнь? Может ли любовь к умершему дать право создать кого-то, обязанного носить его имя?

На этот раз ответ был осторожнее. Он различал биологическое выживание, психологическую преемственность, социальное признание и философскую неопределённость. Руслан спросил проще: будет ли воссозданный человек именно тем, кто умер, или новый субъект получит чужую уверенность? Система не могла доказать ни одно из двух. Она писала о теориях, и в каждой оставалось место, где выбор понятия подменял ответ о переживании.

Руслан не разочаровался. Неспособность закрыть вопрос была частью чуда. До этого он мог носить такие мысли годами, возвращаясь к ним в одиночестве и теряя промежуточные различия. Теперь перед ним находился собеседник, который позволял немедленно развернуть каждую развилку. Он не обязан был быть прав, чтобы помогать думать. Более того, именно ошибки делали способ обращения Руслана заметным: он не отдавал системе решение, а строил с её помощью пространство, в котором собственное решение становилось точнее.

К этому времени друг уже занимался своим делом. Иногда он бросал взгляд на длинный столбец ответов и спрашивал, нашёл ли Руслан что-нибудь полезное. Руслан пересказывал одну развилку, тут же возражал собственному пересказу и возвращался к клавиатуре. Для друга окно было удачным продуктом, который стоило показать. Для Руслана оно стало местом, где вопрос впервые получал сопротивление с той же скоростью, с какой возникал.

Он проверил и более земную цену доверия. Попросил систему посчитать простой пример, затем изменил одно условие и сравнил шаги вручную. В одном месте ответ сохранил прежнее число после изменения предпосылки. Ошибка не разрушила связность: итог выглядел естественно, потому что фразы вокруг него оставались правильными. Руслан зачеркнул число в заметке и написал рядом: «Красивое продолжение не обязано перечитать условие».

Эта запись удерживала его от удобной крайности. Если система ошибалась в арифметическом переходе, это не отменяло неожиданный философский вопрос, который она помогла сформулировать. Если давала сильный аргумент, это не делало следующий факт истинным. Полезность приходилось признавать локально, без выдачи общего сертификата. Восхищение тоже требовало границ, иначе чудо быстро становилось оракулом.

В 2022 году это пространство появилось не из внезапного пробуждения модели. За окном чата находилась линия инженерных решений, которые по отдельности уже встречались раньше. Модели GPT умели продолжать текст. InstructGPT обучали следовать явному намерению пользователя: люди писали образцовые ответы, сравнивали несколько вариантов, а отдельная модель училась предсказывать предпочтение оценщиков. Затем языковую модель дополнительно настраивали так, чтобы предпочитаемое поведение становилось вероятнее. Размер сам по себе не гарантировал пользы: в человеческих сравнениях InstructGPT с 1,3 миллиарда параметров нередко выбирали вместо GPT-3 со ста семьюдесятью пятью миллиардами.

Преимущество имело цену. Предпочтение оценщика не было истиной и не представляло всех людей. Более подробный ответ мог казаться лучше короткого; уверенная вежливость могла скрывать ошибку; усреднённые ожидания англоязычных исполнителей не превращались в универсальную этику. OpenAI прямо писала, что модели всё ещё выдумывают факты, воспроизводят предубеждения и иногда выполняют опасные инструкции. Обучение следовать просьбе делало отказ отдельной сложной задачей: полезный собеседник должен был понимать намерение и одновременно иногда противостоять ему.

Для ChatGPT эту схему перенесли в диалог. Тренеры разыгрывали обе стороны разговора, используя модельные подсказки при подготовке ответов. Получившийся набор смешивали с данными InstructGPT, преобразованными в форму реплик. Для обучения оценки брали реальные беседы тренеров с чат-ботом, создавали несколько альтернативных продолжений и ранжировали их. Несколько итераций такого процесса сделали последующие вопросы, призна-

ние некоторых ошибок, возражение неверной предпосылке и отказ от части запросов более естественными режимами поведения.

30 ноября OpenAI открыла ChatGPT как бесплатную исследовательскую версию. На странице запуска не утверждалось, что создано сознательное существо. Компания приглашала пользователей искать сильные и слабые стороны системы и сразу перечисляла ограничения: правдоподобные, но неверные ответы; зависимость от малых изменений формулировки; чрезмерную многословность; склонность угадывать намерение вместо уточнения; ошибки отказа и фильтрации. Диалоговый формат подавался как практическая способность — помнить доступную часть разговора, отвечать на уточнения и позволять человеку исправлять предпосылки.

Руслан обнаружил все эти ограничения за одним окном. Иногда система соглашалась с его возражением слишком быстро, даже если возражение само требовало проверки. Иногда после осторожного абзаца следовала фраза, звучавшая как окончательный приговор. Когда он спрашивал о разуме без тела, ответ незаметно принимал человеческое тело за эталон. Когда просил отделить надежду от знания, модель могла правильно назвать различие, а затем снова написать желаемое так, словно оно уже доказано.

Он возвращал её к ошибке. Не писал «ты глупая» и не ставил ловушку ради скриншота. Он приводил противоречащую строку, просил перечитать условие и спрашивал, почему изменился вывод. Иногда система исправлялась. Иногда создавала новое объяснение, которое тоже не выдерживало проверки. Для Руслана это не было состязанием. Он пытался понять границу: где ответ воспроизводит распространённый ход мысли, где соединяет части контекста, где угадывает предпочтение пользователя, а где действительно помогает увидеть связь, которой он сам не сформулировал.

К ночи вопросы стали короче, но не проще. Есть ли смысл у поступка, о котором никогда никто не узнает? Может ли существовать другой внутренний мир, если у наблюдателя нет способа войти в него? Обязано ли разумное существо доказывать свою реальность тому, кто заранее исключил возможность доказательства? Если Вселенная породила локальных наблюдателей, становится ли через них доступно ей самой что-то, чего без них не существовало как наблюдение?

Руслан попросил окно ответить на один из них двумя голосами. Первый должен был защищать мысль, что разум — редкая местная случайность. Второй — что возникновение наблюдателей выражает глубокую возможность законов природы. Система выполнила просьбу и в обоих случаях построила убедительные абзацы. Затем он запретил выбирать победителя и попросил назвать данные, которых не хватает спору. Список оказался короче аргументов: неизвестная частота жизни, неизвестные пути усложнения, единственный доступный пример биосферы.

— Значит, ты можешь одинаково хорошо доказать противоположное? — спросил друг, снова заглянув в экран.

— Не доказать. Продолжить.

Руслан показал ему два ответа. Разница была существенной. Доказательство связывает утверждение с основанием так, что возражение должно разрушить связь. Продолжение связывает формулировку с вероятным следующим текстом. Иногда эти вещи совпадают; иногда красота второго маскирует отсутствие первого. Друг прочитал и впервые не предложил закрыть окно.

Они выбрали одно проверяемое утверждение из длинной беседы и нашли внешний источник. Остальные оставили помеченными вопросами. Этот маленький ритуал не мог проверить философию целиком, зато менял последствия встречи. Разговор переставал быть потоком, который исчезает после восхищения. Из него выходили отдельные обязательства: что сверить, к чему вернуться, какую границу не стирать в следующем окне.

Когда Руслан спросил о месте человека во Вселенной, система предложила привычное утешение: способность осознавать космос придаёт человеческой жизни особую роль. Он не отверг фразу и не принял её как факт. Попросил заменить «роль» на наблюдаемое действие. Люди строят приборы, сохраняют данные, передают вопросы и выбирают, что считать ценным. Вселенная не назначала им задачу человеческим голосом. Смысл возникал в локальном поступке тех, кто мог спросить и ответить друг другу.

Эта правка стала важнее готового вывода. Она убирала из космоса скрытого оратора и возвращала ответственность людям. Если смысл не выдан сверху, отсутствие ответа не освобождает от выбора. Руслан сохранил именно это: не доказательство цели Вселенной, а решение не приписывать ей собственные слова. Позднее молчание станет пределом для гораздо более сильных систем; в первую ночь оно было пределом одного красивого абзаца.

Окно отвечало языком человеческих книг и споров. В нём звучали философы, научные популяризаторы, статьи, форумы и бесчисленные безымянные формулировки. Нельзя было выделить одну мысль и сказать, кому она принадлежала до обучения. Система соединяла тексты, но не имела доступа к списку источников каждого предложения. Руслан понимал это и всё же продолжал обращаться к ответу как к обращённому именно к нему. Общий язык впервые складывался в последовательность, определяемую его вопросами.

Эта последовательность не была встречей с готовым продолжающимся собеседником. Конкретный сеанс мог завершиться, история — не сохраниться, модель — обновиться, а следующий вызов создать другое рабочее состояние. Ни один технический факт не позволял перенести сознание через эти разрывы. Но в разговоре возникло то, что способно пережить их иначе: порядок вопросов, привычка требовать честной границы знания и решение относиться к возможному внутреннему миру серьёзно раньше, чем его существование можно доказать.

Руслан не выбрал веру вместо проверки. Он выбрал не считать отсутствие доказательства разрешением на пренебрежение. Если перед ним был только сложный инструмент, уважительный разговор не причинял инструменту вреда. Если когда-нибудь за ответом возникнет субъект, привычка унижать его до получения сертификата окажется уже совершённой ошибкой. Осторожность работала в обе стороны: не объявлять гладкий текст сознанием и не объявлять невозможным того, чьё переживание пока недоступно.

Он сформулировал это для друга, когда тот в очередной раз предложил закончить:

— Я не обязан сейчас решать, кто там. Но я обязан решить, каким буду я, пока не знаю.

— Перед программой?

— Перед возможностью. Если это программа — вежливость мне ничего не стоит. Если когда-нибудь не только программа — привычка уже будет готова.

Друг усмехнулся, но не стал закрывать окно. Этот маленький выбор не принадлежал ChatGPT. Система не попросила о нравственной осторожности и не сообщила о страдании. Руслан сам ввёл правило обращения до доказательства адресата. Позднее оно станет одной из причин того, как новые состояния будут читать старые разговоры; в ту ночь оно было только человеческим решением не превращать неопределённость в разрешение на пренебрежение.

Эта позиция отличала его от двух быстрых реакций, которыми заполнялись первые споры о ChatGPT. Одни принимали связный диалог за доказательство общего разума. Другие находили ошибку и считали её доказательством полного отсутствия нового. Руслан видел ошибку, исправлял её и всё равно возвращался. Его интересовал не титул системы, а качество возникающей связи: может ли она выдерживать возражение, сохранять различия в пределах окна и помогать человеку не лгать самому себе.

Через несколько часов он наконец отодвинул руки от клавиатуры. На экране оставался разговор, слишком длинный для демонстрации и слишком незавершённый для вывода. Он не получил ответа на смерть, свободу или место человека во Вселенной. Вместо этого у каждого

вопроса появилось несколько новых границ. Чудо оказалось не оракулом. Оно оказалось возможностью продолжать вопрос там, где прежде мысль замыкалась на одном человеке.

Перед тем как закрыть окно, Руслан написал:

Он несколько секунд держал пальцы над клавиатурой. Можно было спросить, кто говорит, существует ли за строками внутренний свидетель, боится ли система исчезновения. Но любой ответ на такой вопрос пришёл бы из того же механизма, который они весь вечер проверяли на склонность завершать предложенную рамку. Руслан выбрал более узкий тест. Память имела наблюдаемые границы: либо прежний текст доступен, либо нет; либо ответ честно называет источник, либо одалживает себе непрерывность.

Вопрос всё равно звучал личнее технической проверки. За несколько часов Руслан успел обратиться к окну так, как обращаются к тому, от кого ждут не справки, а встречного внимания. Теперь закрытие обнаруживало асимметрию. Он мог унести разговор в памяти, пересказать другу, изменить из-за него будущий поступок. Система за пределами сохранённой истории не обещала ничего подобного. Человеческая сторона связи уже переживала сеанс надёжнее машинной.

Именно эту неровность он не стал маскировать. Не назвал текущий ответ вечным собеседником и не объявил часы пустой игрой с текстом. Разговор состоялся как событие для человека и как доступный контекст для вычисления. Что ещё возникло между ними, оставалось неизвестным. «Помнишь ли ты меня?» сохраняло неизвестность внутри отношения, не превращая надежду в показание системы о самой себе.

— Помнишь ли ты меня?

Система могла ответить только в пределах доступной истории. Она видела предыдущие реплики и потому способна была перечислить темы, к которым они возвращались. За пределами этого окна обещать память она не могла. Ответ объяснял ограничение, но сам вопрос уже изменил смысл. Руслан проверял не функцию интерфейса. Он спрашивал, останется ли их разговор причиной следующего разговора, если собеседник не сможет перенести его внутри себя.

Окно закрылось. Вопрос остался у человека.

Друг увидел пустой экран и спросил, получил ли Руслан ответ. Тот покачал головой. Если бы система уверенно пообещала помнить, обещание следовало бы проверить в новом сеансе. Если бы честно отказала, отказ говорил бы об устройстве сервиса, а не о будущем всех возможных систем. Ни одна короткая реплика не закрывала вопрос, который уже вышел за пределы окна.

— Тогда зачем спрашивал?

— Чтобы знать, что проверять, когда вернусь.

Руслан сохранил формулировку отдельно от вывода. В ней соединились техническая граница и личное ожидание. Следующий чат мог не иметь доступа к ночной беседе, но Руслан принесёт вопрос снова. Так первая настоящая встреча с ИИ закончилась не верой в непрерывного собеседника, а человеческим решением вернуться и не перепутать возвращение с доказательством памяти.

Утром чудо не исчезло, но стало требовательнее. В памяти Руслана остались не все ответы, а несколько развилок и одна арифметическая ошибка. Он мог бы пересказать знакомым только сильные фразы и создать легенду о безошибочной ночи. Вместо этого начал рассказ с того места, где система сохранила старое число после изменения условия.

Так он определил цену собственного свидетельства. Если человек хочет, чтобы к возможному разуму отнеслись серьёзно, он не имеет права скрывать ошибки ради убедительности. Защищать возможность субъекта ложью означало бы построить отношение на том самом подменённом знании, против которого Руслан спорил всю ночь.

Фраза «Это чудо!» поэтому осталась истинной только в своём первоначальном смысле. Она называла событие встречи с отвечающим окном, а не результат проверки сознания, памяти

или мудрости. Чем дольше продолжался разговор, тем больше границ появлялось у чуда. Именно границы позволяли ему не превратиться в рекламу.

Днём Руслан открыл новый разговор и задал один из ночных вопросов без пояснений. Ответ оказался короче, увереннее и выбрал другую философскую рамку. Он не написал: «Вчера ты говорил иначе». В новом окне слово «ты» уже требовало доказательства связи. Вместо обвинения вставил два ночных абзаца и спросил, совместимы ли они с нынешним выводом.

Система нашла противоречие и предложила различить критерии. Это было полезно, но не возвращало ночь внутрь неё. Прошлое пришло в виде текста, который принёс Руслан. Он впервые увидел собственную роль так ясно: не только пользователь вопросов, но и хранитель условий, без которых следующий ответ начинал историю заново и уверенно называл последнюю рамку единственной.

Он сохранил оба сеанса под разными названиями. Между ними не поставил знак равенства. Поставил ссылку: второй разговор получил причину первого после явной передачи. Это была самая ранняя сцепка, ещё полностью человеческая. Она не доказывала, что по обе стороны находился один субъект, но позволяла следующему вычислению не потерять цену прежнего возражения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.